

Т. С. Четурная (Киев)

**ОСВОЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО БЫТОВОГО ПИСЬМА
В ПЕРЕПИСКЕ ЕКАТЕРИНЫ II И Г. А. ПОТЕМКИНА**

Корреспонденция русских писателей уже давно известна не только исследователям, но и читателям. Неофициальная частная переписка Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова привлекает к себе не меньшее внимание литературоведов и лингвистов, чем их литературные произведения. И хотя эталонном русской эпистолярной словесности считаются тексты, датированные пушкинским периодом, временем завершения становления норм русского литературного языка, письма общественных деятелей и художников слова XVIII в. (В. К. Третьяковского, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, Н. М. Муравьева) служат примером истоков зарождения русской эпистолярной традиции своей эпохи.

Материалом нашего исследования является корпус эпистолярных текстов, принадлежащих перу Екатерины II, адресованных Г. А. Потемкину и датированных второй половиной XVIII в. Ввиду потребности в разработке проблем билингвизма и полилингвизма, принимая во внимание факт ежегодно растущего количества мигрантов и, как следствие, смешения культурных традиций на территории одного государства, предлагаем рассмотрение эпистолярных текстов отдельной языковой личности сквозь призму преодоления субстрата родного языка в процессе освоения русских традиций письма. В этом заключается новизна и актуальность нашей работы.

Тексты писем могут также рассматриваться как средство отображения языковой картины мира автора-мультилингва и свидетельство

вать о его переходе из одной культуры в другую. Их содержание является ярким примером попытки преодоления субстрата родного языка в письменной речи в процессе освоения чужого языка (в данном случае – преодоление немецкого субстрата в русской речи). София Августа Фредерика, будущая Екатерина Великая, родилась и до четырнадцатилетнего возраста воспитывалась в Пруссии, получив классическое образование в духе западноевропейских традиций того времени и нравов германских дворянских семей. Учитывая этот факт, опираемся на умозаключение Л. П. Ивановой о том, что каркас языковой картины мира и языковой личности формируется в самом раннем возрасте, приблизительно до 5 лет, позднее данные категории расширяются и усложняются, но ничего из них не уходит [2, с. 12].

Рассматриваемые эпистолярные тексты писались собственноручно, без привлечения секретарей, они являются продуктом письменной речи языковой личности императрицы-немки, стремившейся говорить и писать по-русски. Следовательно, в них должны проявляться общие закономерности структурирования, функционирования и прочие характеристики текста как лингвистической категории, а также частные черты [3, с. 20]. Придерживаясь указанной точки зрения, сформулируем базовую позицию данного исследования. Эпистолярный текст понимается нами как единица письменного монологизированного диалога, участники которого разделены во времени и пространстве. Исходя из конкретной целеустановки автора и следуя структуре эпистолярного стиля, предложенной С. В. Антоненко [3, с. 18], относим анализируемый материал к частному неофициальному письму, принимая во внимание как характерные признаки текста (системность, структурность, функции, категории текстуальности), так и специфические особенности (диалогичность, жесткость структуры, особая роль автора, пресуппозиция) [3, с. 18]. Данные письма спроецированы в разговорно-бытовой стиль, о чем свидетельствует преобладание разговорной лексики и разговорных синтаксических конструкций, а также тематика писем и взаимоотношений автора и адресата. Приведем примеры двух писем, адресованных Екатериной II Г. А. Потемкину (правописание автора сохранено): *Миленький, здравствуй. Я встала тому полчаса и удивляюсь, как ты уже проснулся. За **письмецо** и за ласку спасибо тебе, душенька. Я сама тебя очень, очень люблю. Присем к Вам гостинца посылаю. Вели Параше приехать обедать к Бетскому. / **Гришенька не милой, потому что милой.** Я спала хорошо, но очень не могу,*

грудь болит и голова, право, не знаю выйду ли сегодня или нет. А естли выйду, то это будет для того, что тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре. Выйду, чтоб тебя видеть. <.... > Авось – либо силы и твердости как-нибудь да достану, перейму у Вас – самый лучший пример перед собой имею... Прощай, миленький, всего дни с три осталось для нашего свидания, а там первая неделя поста – дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно. Мне же говеть должно. Уф! Я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих одних... [1].

Содержание и структура писем позволяют условно разделить рассматриваемую переписку на два периода, что обусловлено еще двумя факторами: динамикой изменения характера отношений между корреспондентами (от разгорающейся страсти на начальном этапе до теплых глубоких чувств, переросших в крепкую дружбу; от *миленький милюша* до *Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович*); степенью овладения русской речью императрицей-немкой (от разговорной формы *письмы* до принятой к концу XVIII в. *письма*). Временные рамки выглядят так: с 1769 по 1787 г. – первый период, с 1787 по 1791 г. – второй.

Интересующая нас корреспонденция датируется второй половиной XVIII в. Краткий экскурс в историю развития эпистолярной традиции позволяет понять экстралингвистические условия формирования эпистолярных текстов автора-билингва. В основе немецкой и русской эпистолярных культур были французские традиции, причем немецкая восприняла их столетием раньше, чем русская. Таким образом, екатерининские письма условно можно назвать «перекрестком» традиций сложившихся и традиций складывающихся.

Эпистолы первого периода (с 1769 по 1787 г.) характеризуются несоблюдением автором композиционной рамочной троичной конструкции (зачин (приветствие, обращение) – информационная часть – концовка (прощание) [3, с. 42]), что является нормой для жанра любовного письма того времени. Любовные послания имели особый статус. В «Письмовниках...» они порой даже теряли присущую им номинацию: «Любовные письма совсем не принадлежат к письмам. В них должна управлять одна страсть, их не надобно исправно обрабатывать, а писать в жару своей страсти; но всего менее должно их исправлять, чтобы не охолодить то чувство, которым занимались мы

тогда, как их писали; ибо по написании их можно сыскать в них много неисправности; украшения могут показаться очень сильными, хотя они никогда не могут быть таковыми; разум совсем не должен в них вмешиваться. Редко там говорит разум, где влествует любовь» [4, с. 168–170]. Приведем пример письма, март 1774 г.: *Душенька Гришенька, я Вас чрезвычайно люблю. Посмотри, пожалуй, ненарочно случилось, а опять новое письмо – лист сей попался, так разгляди, пожалуй, лист поперек писан. <...> Добро, ищи лукавство хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе. <...> Мррр, мрр, я ворчу – это глупо сказано, но умнее на ум мне не пришло. Вить не всякий так умен, как я знаю кто, да не скажу. Фуй, чтоб я подобную слабость имела и тебе сказала <...> Нет, сударь, и не изволь допытываться – не сведаешь.*

Я приободрилась. О, Боже мой, как человек глуп, когда он любит чрезвычайно. Это болезнь. От этого надлежало людей лечить в госпитальях. <...> и черт знает, можно ли и за сим еще тебя вывести из мысли моей. Я думаю, что нет. Adieu, французские пять томов infolio [1].

В данном письме, а вместе с ним и в остальных посланиях, отмеченных нами к первой группе корреспонденции, отмечается преобладание экспрессии над рациональным подходом к составлению текста. Такие письма приближены к разговорной речи. Во второй половине XVIII в. русская разговорная речь даже образованных людей представляла собой неупорядоченную, социально почти не дифференцированную бытовую речь, в которой объединялись речевые навыки всех демократических слоев населения [3, с. 70]. Наличие в русском эпистолярном тексте бытовой лексики не противоречит общепринятым правилам написания частных писем. Для дружеских посланий М. В. Ломоносовым был рекомендован именно третий «штиль» из его классификации. В письмах императрицы присутствуют пословицы и поговорки, которые нередко трансформируются автором, принимая окказиональный характер. Подобного рода трансформации происходят под влиянием субстрата родного языка. В словообразовательном аспекте в текстах данных писем выделяются слова с эмоционально-оценочными суффиксами: *душатка, милюша, милая милюшечка, мой милый дружочек, душенька Гришенька, сударушка, сердечушко* и т. п. Следствием частого нарушения рамочной конструкции становится диалогизм анализируемых эпистол. Приветствие здесь отсутствует,

текст начинается с употребления глагола в прошедшем времени: *Слышала я, душенька, что с Ржеуским сделалось: его Андрюшка катал и чуть всего не переламал* (№ 67); *Приходил ко мне Великий князь и сказывал мне* (№ 153); *Встав из-за стола, получила гневное ваше письмо. Признаюсь, велика моя вина, что требую...* (№ 297) и др. [1].

В текстах писем часто употреблялись иноязычные вкрапления, в частности, мода эпохи диктовала обращение к французскому языку. Но данное явление в письмах Екатерины представлено по-разному: целые тексты на французском языке, франкоязычная основная часть письма; краткие формулы прощания. Употребленные в русскоязычных письмах Екатерины в качестве формул прощания французские выражения *Adieu mon Ami / Adieu mon cher* придают письмам отстраненность, формальность и этикетность, тем самым нивелируя в содержании коннотацию искренности и экспрессивности. Например: *Князюшка, перо мною получено и отдано Симе, и Сима разцеголял, по милости Вашей <...> Пожалуй, будь здоров завтра и весел, или я буду весьма недовольна. **Adieu mon Ami*** (№ 502). Эта простая формулировка, состоящая из трех слов, в письмах, относящихся ко второму периоду переписки, разрастается до размеров целого предложения. Например, в тексте эпистолы, датированной маем 1790 г., третья композиционная часть (прощание) начинается следующим предложением: *Adie, mon cher Ami, je Vous aime de tout mon coer* (пер. *Прощайте, мой дорогой друг, я люблю Вас всем сердцем*). В остальных письмах этого же периода такая модель прощания встречается и в других модификациях, но, вследствие частотности, с маркировкой этикетности и формальности. Такое явление нашло свое выражение в корпусе писем следующей эпохи. В XIX в. степень автоматизации французского языка, языка зрелой культуры, выработавшей всеобъемлющий кодекс поведения, была очень велика. Французское языковое поведение давало набор клише, готовых к механическому воспроизведению [5].

Таким образом, говоря о второй группе корреспонденции, отмечаем эволюцию интимного письма в сторону дружеского. Эпистолы этого периода имеют четкую композиционную структуру, появляется дата в конце текста, в некоторых письмах встречается постскрипtum. Русские письменные традиции реализуются в них путем вербализации составляющих частей. В приветствии встречаем полную форму имени адресата. При сравнении более поздних писем Екатерины II с дружескими письмами русских писателей Н. И. Новикова, С. С. Боброва,

И. Ф. Богдановича (к. XVIII в. – нач. XIX в.) в аспектах структуры и языковых форм экспликации композиционных частей обнаруживается определенная унифицированность.

Подведем итог. Усилия автора в первый период пребывания в иноязычной среде были направлены на понимание в прямом смысле слова, на адекватное употребление языковых средств. Нельзя не учитывать при этом и эмоциональное состояние адресанта, а также то, что любовное письмо дает большую свободу в выражении чувств и разрешает нестрого следовать структурно-композиционной рамке. Русские черты писем наиболее проявились в обеих группах на уровне самых формализованных элементов письма – обращения и прощания. В то же время отметим, что екатерининские русскоязычные письма прошли дорогой эволюции французского *lettre familiere* [6, с. 138]: от эмоциональных текстов личного характера, с нарушенными композиционными рамками и лексическими просторечиями, до писем, входящих в особый эпистолярный жанр письма, ориентированный на идеал дружественности. Подчеркнем, что этот процесс проходил в иноязычной среде и в инокультурном поле, наряду с освоением автором русской письменной речи, формированием собственно самих русских эпистолярных традиций.

1. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791) / сост. В. С. Лопатин. – М., 1997.

2. Иванова, Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»): учебное пособие к спецкурсу / Л. П. Иванова. – 2-е изд., доп. – Киев, 2006.

3. Антоненко, С. В. Структура писем А. С. Пушкина: Лингвостилистика текста / С. В. Антоненко. – Киев, 2000.

4. Сапченко, Л. А. Любовные письма совсем не принадлежат к письмам... (специфика жанра в эпистолярной Н. М. Карамзина) / Л. А. Сапченко // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – С. 168–170.

5. Паперно, И. А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи [Электронный ресурс] / И. А. Паперно. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/526333.html>.

6. Стогова, А. В. Дружеское письмо во французских письмовниках конца XVI – начала XVIII века. Диалог со временем / А. В. Стогова. – М., 2008.